

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 35, Is. 1, pp. 31–35, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-35-1-31-35
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 299.4

‘No Changes in Kalmyk Lifestyles of the Newly Converted Witnessed’: Confessional Identity of Kalmyk Christians Revisited

*Keemia V. Orlova*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department for Korean and Mongol Studies, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail orlovnk@mail.ru

Abstract. The article deals with confessional identity of Kalmyks who converted to Christianity. Despite almost a two-centuries long policy of Christianization, the Kalmyks managed to preserve their religious identity remaining committed to their ancestral religion. The Russian Government conducted somewhat flexible and moderate policy towards the Kalmyks preferring to leave them as they were in the territory of the Kalmyk Khanate. But migrations of Kalmyks to other governorates and their conversion to Christianity outside the khanate were welcomed and encouraged. During this period a number of settlements outside the khanate were established, e.g., those in the Don River region, Kalmyks also resettled to Chuguev in Kharkov Governorate, Belyaev in Eastern Ukraine, Tereshka River area in the right bank of the Volga to the north of Saratov, Stavropol-on-Volga, uninhabited territories around Churkinsky Monastery, to the Urals and Terek River region. The paper mentions that the newly converted Kalmyk Christians migrated to the granted lands but retained their ethnic status. Furthermore, despite being virtually isolated from fellow tribesmen and being nominally referred to as Orthodox Christians, those newly converted Kalmyks kept professing Buddhism whatever remote regions of Russia they inhabited, and despite great distances between those Kalmyk families they perceived themselves as members of the Kalmyk ethnos. The fact that the newly converted Kalmyks kept perceiving Buddhism as their national religion and thus remained committed to it was due to a number of reasons including: numerical superiority of Buddhist clergymen over Orthodox missionaries within Kalmyk communities, special emphasis laid by the missionaries upon sheer quantitative indices during Christianization of Buddhist populations, etc. Thus, the relative isolation of the newly converted and resettled Kalmyks guaranteed no Russianization of theirs, nor that they had adopted lifestyle patterns of ethnic Russians. As a result, positions and influences of the Kalmyk Buddhist clergy on their compatriots were too strong despite the imposed measures for administrative control over their activities. So, Buddhism proved one of the key factors in resisting the policy of Christianization of the Kalmyks and served as an important socio-cultural element of the emerging ethnic identity.

Keywords: Kalmyks, Buddhism, missionaries, Christianization of Kalmyks, religious identity

Заголовок статьи взят из заметок священника Е. Овсянникова на основании отчета Донских епархиальных ведомостей [Овсянников 1904: 755]. Действительно, калмыки, приняв крещение, продолжали вести прежний образ жизни: «...питаются калмыцкими кушаньями, живут в кибитках, имеют сообщество с калмыками...» [Овсянников 1904: 755]. Однако прежде чем рассмотреть заявленную в статье тему, необходимо вкратце обратиться к истории христианизации калмыков.

Приход ойратов/калмыков в 40-х гг. XVII в. в Нижнее Поволжье и их вхождение в состав Российского государства к середине 50-х гг. XVII в. ознаменовали собой новый этап в их жизни. Интеграция новых подданных в российскую государственную и общественную систему предполагала разные подходы властей к их адаптации на новой территории, одной из которых стала политика христианизации калмыков. По мнению имперских чиновников, к примеру, астраханского губернатора А. П. Волынского, крещение калмыков было выгодно России не только в церковном, но и в политическом отношении [Дорджиева 2008: 976].

Значимым событием в истории калмыков явилось образование Калмыцкого ханства. Поначалу жизнь в ханстве проходила без должного присмотра со стороны властей, бдительность проявляли, в основном, к дипломатическим сношениям ханства с османским султаном, крымским ханом, соседями в Джунгарии и Китае. Только после смерти хана Аюки (1724) российские власти стали активно вмешиваться во внутреннюю жизнь ханства, касалось это и назначения его верховных правителей.

Признавая относительную самостоятельность Калмыцкого ханства, правительство тем не менее не упускало возможность ослабить его влияние на соплеменников. Одним из результативных средств было поощрение самовольных уходов подвластного населения с последующим крещением. Крещенные оказывались недостижимыми и, в конце концов, потерянными для хана и владельцев. Естественно, это вызывало раздражение и недовольство хана и тайшей, но в конечном счете они принимали такие условия и шли на компромиссы.

На всех этапах христианизация калмыков, как правило, проводилась на добровольной основе, ибо российской власти важно было сохранить калмыков в качестве

защитников и союзников в охране своих юго-восточных границ, немаловажное значение имели внутри- и внешнеполитические обстоятельства.

До 1771 г., т. е. откочевки в захваченную цинскими войсками Джунгарию, российские власти крайне осторожно обращались с пришлым народом и на территории ханства не обращали в православие калмыков. Но переход калмыков в другие губернии и принятие ими православия вне пределов ханства стимулировались и одобрялись. Так, появились поселения на Дону, в Чугуеве Харьковской губернии, Беляево, на р. Терешка, в Ставрополе-на-Волге, Чуркиной пустыни, на Урале, Тереке, что совершенно не означало «обрусения» калмыков и принятия ими русского уклада жизни. Главная задача, по мнению правительства, состояла «в просвещении святой христианской верой и приучении к оседлой земледельческой жизни» [Витевский 1889: 134]. Переселение калмыков на специально подготовленные для них поселения, во-первых, создавало возможность использования их, не обращаясь непосредственно к хану. Во-вторых, изоляция имела своим результатом дробление единого народа на локально проживающие группы в окружении православных, что создавало благоприятные условия для реализации российским правительством политики русификации. Тем не менее крещенные калмыки, мигрируя на выделенные для них территории, сохраняли свой этнический статус. Власти же, учитывая менталитет, привычки, приверженность калмыков привычному кочевому образу жизни, проявляли гибкость и осторожность по отношению к ним, но вместе с тем целенаправленно и поступательно осуществляли курс к тому, чтобы общероссийские порядки стали неотъемлемой нормой их жизни. Власти максимально старались обустроить жизнь калмыков: обеспечивали их скотом, хлебом, строили им жилье, приучали к земледельческому труду, обязывали заниматься каким-нибудь промыслом. Благодаря этому основная масса переселившихся калмыков постепенно обзаводилась скотом, занималась скорячеством, обретала навыки к земледелию [ПСЗРИ. Т. 14. Собр. 1. 1756 г., № 10559. С. 573]. Немаловажное значение власти придавали материальным благам: калмыкам предоставлялись денежные субсидии, всевозможные льготы, их освобождали от повинностей, наделяли

землей, строили деревянные избы, прощали мелкие проступки, а позднее и тяжкие преступления [Гурий 1911: 2].

Несмотря на изоляцию от сородичей и формально считаясь православными, крещенные калмыки практически во всех местах расселения в российской глубинке продолжали исповедовать буддизм, в случаях болезни обращались к своим *эмчи* (лекарям). Статус буддийского калмыцкого духовенства был высоким, доверие соплеменников к буддийским священнослужителям выражалось в большом его влиянии в обществе; как отмечали современники, несмотря на административный контроль за их деятельностью, «оно (калмыцкое духовенство. — К. О.) пользуется в глазах простого народа большим авторитетом» [Овсянников 1904: 621]. Это же отмечал и архимандрит Гурий (Степанов) в отношении донских калмыков: «своей вере очень преданы <...> духовными их руководителями являются так называемые бакши <...> являются объединителем калмыков не только в религии, но и в национальных отношениях» [Гурий 1911: 6]. Как считают оренбургские исследователи С. В. Джунджужов и С. В. Любичанковский, «разбросанность калмыцких семейств не помешала калмыкам сохранить национальное и духовное единство <...> они продолжали считать себя частью калмыцкого народа, общались на родном языке, редко вступали в межэтнические браки и почитали тибетский буддизм (ламаизм) в качестве национальной религии» [Джунджужов, Любичанковский 2017: 1201]. То же отмечал и монголовед А. М. Позднеев в отношении оренбургских калмыков.

В начале XX в. один из лидеров панмонгольского движения в Бурятии Ц. Жамцарано писал: «Чем правительство и миссионеры усерднее проводили свою обрусительно-крестительную политику <...> тем сильнее и дружнее шло движение в сторону буддизма и в сторону тех своих сородичей, которые, благодаря буддизму, сохранили свою письменность, национальную целостность и солидарность. Буддизм в глазах народа стал убежищем для национального духа, а православие — символом обрусения...» [Жамцарано 1907: 21].

Существенным обстоятельством приверженности калмыков к своей религии играл и количественный фактор: буддийское духовенство по численности значительно превосходило православных миссионеров.

Так, в 1889 г. по Астраханской губернии духовных лиц числилось 919 человек, шаби-неров (учеников хурулов) — 1 120 человек на 141 647 калмыков [Материалы для истории православно-российского миссионерства 1893: 169]. В 1891 г. на 32 тысячи донских калмыков приходился один миссионер с псаломщиком, а штат буддийского духовенства составлял 653 человека в 14 хурулах [Дорджиева 1995: 90].

С другой стороны, власти на местах формально занимались распространением православия и старались поддерживать относительно нормальные отношения с местной элитой и населением. Миссионеры и священники, которые непосредственно проводили в жизнь христианизацию, в основном, ограничивались количественным охватом калмыков, «большая часть крещеных предоставлены самим себе, не имея надзора со стороны православных священников и не слыша христианского вероучения, обычно снова возвращалась в прежнее состояние, забывала христианство и сливалась с народной массой в ламаизм» [Гурий 1911: 9–10]. Отсюда и некая формальность, стремление приукрасить в отчетах истинное состояние дел. Однако эти обстоятельства не стали объективным мерилем оценки их деятельности. Существовали и другие объективные трудности в работе миссионеров: это огромные расстояния, кочевой образ жизни народа, отсутствие постоянного штата и частая сменяемость миссионеров и священников, а также незнание родного языка обращаемых. Для более успешной работы миссионеров требовалось достаточно длительное время, перестройка хозяйственной деятельности, мировосприятия и психологии людей с обеих сторон.

Таким образом, буддизм оказался одним из факторов, который, помимо других, противостоял политике христианизации калмыков и оказался важным социокультурным элементом формирования идентичности.

Благодарности

Работа выполнена исполнителем К. В. Орловой, ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН, по проекту Калмыцкого научного центра РАН при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (объединенный проект «Калмыки: ламаиты, буддисты, христи-

ане (опыт исследования конфессиональной и этнической идентичности калмыков в России). Дуализм имперской политики по управлению инородцами в XIX – начале XX вв.: аккультурация или ассимиляция»). Проект № I.1.24.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*] [Complete Collection of Laws of the Russian Empire].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Витевский 1889 — *Витевский В. Н.* Н. Н. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года. Казань: Тип. Б. Л. Добровского, 1889. Вып. 1. 176 с. [Vitevskiy V. N. N. N. *Neplyuev i Orenburgskiy kray v proshlom ego sostave do 1758 goda* [N. Nepluev and Orenburg Krai within its borders and structure before 1758]. Kazan: B. L. Dobrovsky. 1889. Iss. 1. 176 p.].
- Гурий 1911 — *Гурий* (иеромонах). Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам Казанского миссионерского съезда // Миссионерское обозрение. Отд. оттиск. СПб.: Тип. «Колокол», 1911. 40 с. [Guriy (hieromonk). The Don Kalmyks and a history of their conversion to Christianity according to transactions of Kazan Missionary Congress. *Missionerskoe obozrenie. Ottisk.* St. Petersburg: Kolokol, 1911. 40 p.].
- Джунджузов, Любичанковский 2017 — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX века: проблемы ассимиляции, аккультурации и сохранения этнической идентичности // Былые годы. 2017. Т. 46. Вып. 4. С. 1194–1206. [Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. V. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity. *Bylye gody*. 2017. Vol. 46. Iss. 4. Pp. 1194–1206].
- Дорджиева 1995 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с. [Dordzhieva G. Sh. *Buddizm i khrisťianstvo v Kalmykii. Opyt analiza religioznoy politiki pravitel'stva Rossiyskoy imperii (sередina XVII – nachalo XX vv.)* [Buddhism and Christianity in Kalmykia. Religious policies of the Russian Empire: an effort of analysis]. Elista: Dzhangar, 1995. 126 p.].
- Дорджиева 2008 — *Дорджиева Е. В.* Конфессиональный вопрос в имперской политике по отношению к традиционной калмыцкой элите в XVIII в. // [электронный ресурс] Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 4. С. 975–982. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2008/2008_4_975_982.pdf (дата обращения: 3.03.2018). [Dordzhieva E. V. The Russian Empire's religious politics towards the Kalmyk traditional elite in the 18th century. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2008. Vol. 10. No. 4. Pp. 975–982]. Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2008/2008_4_975_982.pdf.
- Жамцарано 1907 — *Жамцарано Ц.* Народническое движение бурят и его критик // Сибирские вопросы. 1907. № 21. С. 16–21. [Zhamtsarano Ts. The Narodnik movement among Buryats and its critic. *Sibirskie voprosy*. 1907. No. 21. Pp. 16–21].
- Материалы для истории... 1893 — Материалы для истории православно-российского миссионерства. Вып. 1. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1893. 189 с. [*Materialy dlya istorii pravoslavno-rossiyskogo missionerstva*] [Materials for the history of Russian Orthodox missionary activities]. Iss. 1. Moscow: A. I. Snegireva, 1893. 189 p.].
- Овсянников 1904 — *Овсянников Е.* (священник). Современное религиозное состояние донских калмыков в связи с вопросом о развитии миссионерской деятельности среди них (по данным последнего отчета Донского епархиального комитета Православного миссионерского общества) // Донские епархиальные ведомости. 1904. № 21. С. 620–623; № 26. С. 753–757. [Ovsyannikov E. (priest). The issue of development of missionary activities among the Don Kalmyks and the current religious affiliation of the latter (according to data from the latest report by the Don Eparchial Committee of Orthodox Missionary Society). *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. No. 21. Pp. 620–623; No. 26. Pp. 753–757].
- ПСЗРИ 1830 — ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собрание 1. В 48 т. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 14. С. 1754–1757. [PSZ-RI (Complete Collection of Laws of the Russian Empire). Coll. 1. in 48 vol. St. Petersburg: Department II of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Vol. 14. Pp. 1754–1757].

УДК 299.4

**«Крещенные живут по-прежнему, по-калмыцки»:
к вопросу о конфессиональной идентичности крещеных калмыков**Кеemia Владимировна Орлова¹¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: orlovnk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос конфессиональной идентичности крещеных калмыков. Несмотря на почти двухвековую политику христианизации, калмыки сумели сохранить свою религиозную идентичность, приверженность религии своих предков. Российское правительство проводило гибкую и осторожную политику в отношении калмыков, старалось не христианизировать их на территории Калмыцкого ханства. Однако переход калмыков в другие губернии и принятие ими православия вне пределов ханства поощрялись и приветствовались. Именно на этом этапе за пределами ханства были созданы поселения на Дону, в Чугуеве Харьковской губернии, Беляево, на р. Терешка, в Ставрополе-на-Волге, Чуркиной пустыни, на Урале, Тереке. Относительная изоляция крестившихся калмыков, поселившихся на данных территориях, совсем не означала, что они полностью «обрусели», приняли русский уклад жизни. Несмотря на изоляцию от соплеменников и номинально считаясь православными, крещеные калмыки практически во всех местах расселения в российской глубинке продолжали исповедовать буддизм. Позиции и влияние буддийского калмыцкого духовенства на своих соплеменников были слишком сильны вопреки административному контролю за их деятельностью.

Ключевые слова: калмыки, буддизм, миссионеры, христианизация калмыков, религиозная идентичность